

Т. 1. С. 5-6. [Саша с дядей Марком]:

Некоторое время они лежали молча, потом Саша спросил:

– Зачем тебя Сталин вызывал?

– Меня вызывал не Сталин, а вызвали, чтобы передать его указание.

– Говорят, он небольшого роста.

– Как и мы с тобой.

– А на трибуне кажется высокий.

– Да.

– Когда было его пятидесятилетие, – сказал Саша, – мне не понравился его ответ на приветствия, что-то вроде того, что «партия меня родила по образу своему и подобию»...

– Смысл тот, что поздравления относятся к партии, а не к нему лично.

– Правда, Ленин писал, что Сталин груб и нелоялен?

– Откуда ты знаешь?

– Какая разница... Знаю. Писал ведь?!

– Это качества сугубо личные, – сказал Марк, – они не главное. Главное – политическая линия.

– Разве это можно разделить? – возразил Саша, вспомнив в эту минуту Баулина и Лозгачева.

– Ты в этом сомневаешься?

– Как-то не думал. Я ведь тоже за Сталина. Но хотелось бы поменьше славословий – режут ухо.

– Непонятное еще не есть неправильное, – ответил Марк, – верь в партию, в ее мудрость. Начинается строгое время.

Т. 1. С. 7-8. Сталин прохаживался по кабинету и остановился, когда открылась дверь. На нем был френч из защитного, почти коричневого материала и такие же брюки, заправленные в сапоги. Он казался ниже среднего роста, плотный, рябоватый, со слегка монгольскими глазами. В густых волосах над низким лбом пробивалась седина. Сталин сделал несколько легких, пружинистых шагов навстречу Марку Александровичу и протянул ему руку – просто, корректно, но и сознавая значение этого рукопожатия. Потом отодвинул от стола два стула. Они сели. Марк Александрович совсем близко увидел глаза Сталина – светло-карие, живые, они показались ему даже веселыми.

[...]

Он говорил с сильным грузинским акцентом. И, как убедился Марк Александрович, был хорошо осведомлен о ходе дела.

– Комсомольцы бегут?

– Да.

– Значит, мобилизовали, чтобы бежали! Сколько убежало?

– Восемьдесят два человека.

Взгляд Сталина был пронзительным, испытующим...

– Покажите справку!

Марк Александрович вынул из портфеля таблицу движения рабочей силы, показал нужную графу.

– Что же вы на себя клеветеете, товарищ Рязанов?! Если бы с какого-нибудь завода убежали всего восемьдесят два человека, то директор завода чувствовал бы себя героем.

Он улыбнулся. Вокруг глаз резко обозначилась сетка морщин.

Марк Александрович пожаловался на завод, поставляющий оборудование. Сталин спросил, кто директор этого завода. Услышав фамилию, сказал:

– Неумный человек, все провалит.

Глаза его вдруг стали желтоватыми, тяжелыми, тигриными, в них мелькнула злоба к человеку, которого Марк Александрович знал как хорошего работника, попавшего в трудные условия.

Рязанов перешел к самому щекотливому вопросу – строительству второго мартеновского цеха.

– За год построите?

– Нет, товарищ Сталин.

– Почему?

– Я не технический авантюрист.

И тут же испугался того, что сказал. Сталин пристально смотрел на него. Опять глаза его сделались желтыми, тяжелыми, одна бровь стояла почти вертикально. Медленно, растягивая слова, он произнес:

– Значит, ЦК – технические авантюристы?

– Я не так выразился, извините. Я имел в виду следующее...

Марк Александрович подробно и убедительно доложил, почему вторую очередь мартеновского цеха нельзя закончить в будущем году. Сталин внимательно слушал, прижимая к груди левую руку с зажатой в кулаке трубкой, казалось, что рука плохо разгибается.

– Вы честно сказали. Нам не нужны коммунисты, которые обещают все что угодно. Нам нужны те, кто говорит правду.

Сталин сказал это без улыбки, очень значительно, эти слова предназначались всей стране. Марк Александрович хотел продолжить доклад, но Сталин тронул его локоть.

– Я вас слушал, теперь вы меня послушайте.

Он заговорил о металлургии, о Востоке, о второй пятилетке, об обороне страны. Говорил медленно, четко, тихо, глуховатым голосом, отчетливо, будто диктовал машинистке, говорил вещи, всем известные, но сейчас, произносимые им, они казались новыми и особенно весомыми.

Т. 1. С. 8. Ощущение неудобства и тревоги, которые испытал Марк Александрович в разговоре со Сталиным, отступило, осталось только чувство того великого, к чему он прикоснулся. Беспрецедентное строительство, которое он вел, требовало железной воли. Не будь над ним железной воли Сталина, он не сумел бы проявить и свою. Эта воля была жесткой. Что делать?! Не милосердием совершаются исторические повороты.

Т. 1. С. 15. И они увидели его. Черноусое лицо, точно сошедшее с бесчисленных портретов и скульптур. Он стоял, не шевелясь, в низко надвинутой фуражке.

Гул нарастал. Сталин! Сталин! Саша, как и все, шел, не отрывая от него глаз, и тоже кричал: Сталин! Сталин! Пройдя мимо трибун, люди продолжали оглядываться, но красноармейцы торопили их – не задерживаться! Шире шаг! Шире шаг!

[...]

В эту минуту гул на площади достиг высшей точки и, как раскат грома, докатился до набережной – Сталин поднял руку, приветствуя демонстрантов.